

ГОРИТ ОГОНЬ НЕУГАСИМЫЙ

О Ч Е Р К

Утро вставало над Ленинградом ясное, солнечное, почти безоблачное.

Я не был в родном Ленинграде уже несколько лет, и в это погожее осеннее утро с неизъяснимым наслаждением бродил по знакомым с детства, дорогим сердцу местам. Я проходил по проспектам и площадям города, по набережным Невы, Фонтанки, Мойки, канала Грибоедова, не уставая любоваться архитектурой старинных дворцов и новых великолепных зданий.

За бывшей Московской заставой я не узнал города, в котором родился и вырос, за который воевал в рядах народного ополчения. Широкой нескончаемой магистралью протянулся здесь Московский проспект, проспект-красавец с кварталами многоэтажных домов, выстроенных за те годы, что я не был в Ленинграде. Я дошел пешком до Средней рогатки, где в 1941 году проходила линия обороны. Где же то место, где был расположен штаб нашего полка? Кажется, где-то вот здесь или чуть поодаль, во всяком случае—неподалеку вот от того шестиэтажного дома, стоявшего тогда в гордом одиночестве среди одноэтажных деревянных строений рабочей окраины.

Я так и не нашел того места, где стоял штаб полка, того картофельного поля, где мы сперва откапывали мерзлую картошку, что шла в общий ротный котел, а потом рыли окопы, блиндажи, пулеметные гнезда. Кругом был новый, неузнаваемый город. Десяти-и одиннадцатэтажные дома, сады, скверы и парки, школы, магазины, кинотеатры стояли на том самом месте, где мы устанавливали минные поля, отрывали противотанковые рвы, устанавливали надолбы, проволочные заграждения.

Менее чем через час я уже был в другом конце города, почти в самом его центре, на Марсовом поле. В дни войны оно считалось глубоким тылом. Ведь от линии фронта Марсово поле отстояло километров на пятнадцать, если не больше. Но именно тогда оно как нельзя более оправдывало свое название—поле Марса, бога войны. Как и в прифронтовой полосе, здесь тоже были вырыты траншеи и щели, оборудованы блиндажи для расчетов стояв-

ших на поле зенитных батарей. И, конечно, здесь тоже рвались снаряды немецких пушек.

Но ленинградцы все же в те дни считали Марсово поле, как уже было сказано, глубоким тылом и весной 1942 года вырыли здесь несколько грядок, выращивая на них зеленый лук и картошку.

Даже тот, кто ни разу не был в Ленинграде, знает эту неповторимую в своей величавой и строгой красоте площадь-сад, выдающийся архитектурный и историко-революционный памятник Ленинграда—колыбели Великого Октября. Кто из советских людей не знает истории Марсова поля—безмолвного свидетеля многих исторических событий.

Здесь не раз звучало пламенное слово вождя революции великого Ленина.

На Марсовом поле похоронены герои Февральской революции и Великого Октября. Вечным сном здесь спят славные сыны большевистской партии, отлавшившие свою жизнь в борьбе за народное дело.

Тихие воды Лебяжьего канала, что отделяют Марсово поле от Летнего сада, были усеяны в этот час желтыми и красными листьями, которые неслышно роняли клены и липы Летнего сада. Еле заметное глазу течение канала медленно уносило упавшие листья в Неву. Листопад подходил к концу. Многие деревья уже стояли почти голыми. И эта трогательная нагота кленов и лип, чьи обнаженные ветви трепетным вздрагиванием отвечали на легкое дуновение ветерка, напоминала о том, что стоит уже поздняя осень, что впереди долгая зима и что немало времени пройдет, прежде чем вновь зазеленеет Летний сад.

Грустные приметы ленинградской осени невольно вернули меня на сутки назад, когда я еще бродил по проспекту Руставели—солнечному, зеленому, по-летнему почти жаркому. Самолет «ТУ-104» за несколько часов не только преодолел огромное расстояние в две с половиной тысячи километров, но и перенес меня из одного времени года в другое.

И быть может под влиянием этих мыслей—одновременно о Ленин-

граде и о Тбилиси—я увидел внезапно, что уже несколько минут стою перед небольшой гранитной плитой с высеченной на ней надписью:

«Юному артисту-агитатору
Коте Мгеброву-Чекан
1913—1922»

Я еще раз вчитался в надпись и понял, почему я остановился именно у этого камня. Коте Мгебров, Коте Мгебров. Да не из Грузии ли этот мальчик! Ведь в Тбилиси среди моих друзей и знакомых есть немало людей с фамилиями Мгебров, Мгебришвили.

И мне захотелось узнать судьбу этого юного героя, моего сверстника, трагическую и вместе с тем прекрасную судьбу, закончившуюся вот здесь, на Марсовом поле, рядом с могилами прославленных героев революции.

Какой же подвиг мог совершить девятилетний мальчик, чье имя увековечено вместе с именами известных всей партии революционеров? Как сложилась его жизнь, оборвавшаяся 36 лет тому назад? Живы ли его родители и где они сейчас—в Грузии или в Ленинграде? Сохранились ли материалы о его жизни и его подвиге?

На Марсовом поле стояла торжественная тишина, но оно, конечно, не было пустынным. Здесь всегда ходят люди. И сейчас они в глубоком молчании медленно продвигались вдоль аллеи, вчитываясь в строки, высеченные на красном граните надгробий, и молча смотрели на вечный огонь, зажженный в память похороненных здесь борцов за народное счастье, за коммунизм.

Кто же может ответить на мои вопросы? Естественно, что первым делом я обратился за советом к моим товарищам—ленинградским журналистам.

Мне сразу повезло. Заместитель ответственного руководителя Ленинградского отделения ТАСС Григорий Михайлович Мейлишев, мой товарищ по первой в моей жизни газете, сказал:

— Давненько, видно, ты, браток, не был в Ленинграде. Начни-ка с поисков отца мальчика. Ведь это

известный у нас артист Пушкинско-го театра—Александр Авелиевич Мгебров.

Жив отец Коте Мгеброва! С этой радостной мыслью я отправился на его поиски.

И вот у меня адрес артиста Мгеброва, отца маленького героя. Сейчас же к нему, на улицу Толмачева!

С волнением переступаю порог старой ленинградской квартиры. Навстречу мне вышел высокий, чуть сутулый человек, увенчанный львиной гривой белых волос. Что-то знакомое вижу в его лице. Где-то я видел эти глаза, крупные черты лица, благородную осанку. Ну конечно! Ведь это старик-Державин из кинофильма «Юность поэта»!

Услышав, что я лишь вчера прибыл из Тбилиси, хозяин дома весело воскликнул:

— Грузия! Кавказ! Очень рад! Сколько лет я уже не бывал там!

Здесь же я был представлен супруге Александра Авелиевича—Виктории Владимировне Чекан.

Так вот они какие, мать и отец юного героя, в девять лет похороненного на Марсовом поле с революционными почестями.

...Более полувек назад имена молодых артистов Александра Мгеброва и Виктории Чекан впервые появились на афишах театрального Петербурга. Но еще задолго до этого, в грозные дни первой русской революции, имя молодого артиллерийского офицера Александра Мгеброва было занесено в черные списки царской охранки, как человека опасного для существующего строя.

Не будучи профессиональным революционером, Александр Авелиевич, тем не менее, принял активное участие в революционных выступлениях трудящихся Батуми и Тбилиси.

Вскоре Мгебров был арестован. Ему грозила смертная казнь, и только заступничество его отца—генерала Авелия Ивановича Мгеброва приостановило судебную расправу. Дело замали. Но оно еще долго, до самой Октябрьской революции висело над А. А. Мгебровым.

Здесь уместно заметить, что отец А. А. Мгеброва—видный военный инженер и ученый, ученик великого Менделеева, генерал царской армии Авелий Иванович Мгебров, родившийся в Гори, с первых лет революции безоговорочно перешел на сторону Советской власти. За выдаю-

щиеся заслуги перед Красной Армией ему была в свое время Советским правительством назначена персональная пенсия.

В 1913 году в Териоках, под Петербургом, у А. А. Мгеброва родился сын. Мальчик получил при рождении имя Иоанн, но в семье его звали Коте или Котя. Под этим именем он и вошел в историю.

Короткую, но яркую биографию Коте Мгеброва можно изложить в нескольких строках—ведь он прожил всего девять лет. Но можно ей посвятить и десятки страниц—так много вместила эта короткая жизнь событий, так тесно связаны эти события с первыми годами революции, с борьбой питерских рабочих и матросов за родную Советскую власть.

Биографию Коте Мгеброва следует, пожалуй, начать с марта 1918 года, со дня организации в Петрограде Героического театра. Родители Коте—Александр Авелиевич Мгебров и Виктория Владимировна Чекан были одними из организаторов этого театра, ведущих артистами, а А. А. Мгебров—и автором ряда поставленных театром постановок.

Героический театр полностью оправдывал свое гордое название. Он ставил спектакли на героические темы революции, зрителями его были герои Октября и гражданской войны, да и самих артистов можно было по праву считать героями. Голодные и холодные, они самоотверженно отдавались искусству, выезжая со спектаклями прямо на передовые позиции, и нередко гром аплодисментов восторженных зрителей сливался с громом канонады—это белые начинали обстреливать расположение красных войск.

Мать Коте Мгеброва—драматическая актриса Виктория Владимировна Чекан прославилась в те годы исполнением ролей героинь революционных пьес.

Как-то, в конце 1918 года, мать, собираясь на репетицию, сказала своему пятилетнему сыну:

— Одевайся, Коте, поедешь со мной, будешь играть вместе с нами в пьесе.

Маленькому артисту поручили роль мальчика в пьесе «Легенда о Коммунаре».

В 1919 году Героический театр сопровождал красноармейские части, выступавшие против Юденича. Вместе с другими артистами Коте Мгеб-

ров был среди матросов, красноармейцев, бойцов рабочих отрядов, наступавших на мятежный форт «Красная Горка». Во время кронштадтского контрреволюционного восстания Коте выступал перед войсками, направлявшимися в знаменитый ледовый поход, на штурм крепости.

Коте читал революционные стихи, призывавшие бойцов революции к мужеству, героизму, преданности делу рабочего класса.

Незадолго перед боем под Красным Селом Коте выступает перед красноармейцами в инсценировке поэмы Уолта Уитмена «Песня знамени на утренней заре». Взволнованно звучат произносимые мальчиком слова, обращенные к красному знамени:

Знамя красное, знамя свободное,
В алых каплях рабочей крови...

Опускается занавес. Все встают и поют «Интернационал». Поют артисты, поют бойцы, уходящие на передовую линию фронта.

Гатчина, Луга, Сиверская, Красная Горка, Кронштадт—вот этапы борьбы питерских рабочих, красноармейцев и моряков Балтийского флота против Юденича и других белогвардейцев. И вместе с тем это маршрут выступлений Героического театра и его агитационно-пропагандистской труппы, полноправным участником которой был маленький коммунар Коте Мгебров.

Коте возвращается с театром в Петроград и почти ежедневно выступает как чтец-декламатор перед частями петроградского гарнизона.

Маленького артиста-коммунара Коте Мгеброва знали и любили в рабочих районах Петрограда. Но его знали и враги революционного Питера. Знали и ненавидели его талант и его огромную, растущую с каждым днем популярность среди петроградских рабочих и войск петроградского гарнизона. Можно смело сказать, что маленький Коте стоял поперек дороги белогвардейцам и их прихвостням, которых еще немало было в то время в городе революции и которые вынашивали планы борьбы против молодой Советской власти.

— Однажды, — рассказывает Виктория Владимировна, — я вышла из дома и увидела Коте в окружении каких-то темных личностей — молодых бездельников, буржуйских сы-

ков. Я быстро подошла и услышала злые угрозы:

— Мы все равно убьем тебя!
Коте, не видя меня, отвечал хулиганам:

— А я вас все-таки не боюсь, не боюсь!

Через несколько дней после этого эпизода, 24 апреля 1922 года, на квартиру к Мгебровым пришли друзья-артисты, принесли хлебный паек. Коте взял буханку и сказал, что отнесет хлеб более нуждающимся товарищам.

Коте ушел, а минут через двадцать в квартиру Мгебровых пришла страшная весть: человек, оставшийся неизвестным, на полном ходу столкнул Коте с площадки трамвая. Прибыв в больницу, родители уже не застали сына в живых. Коте Мгебров, маленький коммунар, лежал мертвым.

Смерть маленького коммунара всколыхнула весь Петроград. Именно в те скорбные дни отец и мать юного героя впервые, пожалуй, узнали, как любили их сына петроградцы. Бесконечной вереницей проходили мимо гроба Коте рабочие и артисты, красноармейцы и краснофлотцы, студенты и школьники.

Газета «Петроградская правда» в некрологе, посвященном памяти Коте Мгеброва, писала:

«Склоним головы перед ним, как перед революционным юношеством, так много отдавшим и отдающим в общей борьбе за освобождение пролетариата».

По ходатайству рабочих и молодежи Петрограда петроградский Совет постановил похоронить Коте Мгеброва на Марсовом поле.

...Накануне моего отъезда из Ленинграда в Тбилиси я вновь побывал на Марсовом поле. Как всегда, на могилах героев лежали свежие цветы. Чья-то заботливая рука ежедневно клала их на красный гранит надгробий. Лежали осенние астры и над могилой Коте.

Со стороны Финского залива подул сильный ветер. Он колыхал пламя вечного огня, но не был в силах его задуть.

Горит над Марсовым полем неугасимый огонь. Всегда жива в сердцах советских людей память о героях революции.

С. СВЕРДЛИН.

Ленинград — Тбилиси.

Заря Востока
Т. Тбилиси
12 ФЕВ 1959